

К тому же я и вчерашней ночью вовсе не спал, прижав нефритовую подвеску к груди.

Просто сжимал её в пальцах и рассматривал всю ночь напролёт, не отрывая глаз.

Гу Чжи по-прежнему молчала, и Ли Ляньхуа продолжил:

Прости, А Чжи, не сердись на меня и не игнорируй, ладно?

Гу Чжи посмотрела на луну, её пальцы слегка сжались в кулак, и она произнесла:

Я хочу побыть одна. Ночи нынче холодные, так что лигосподин лучше возвращайся отдыхать и не беспокойся обо мне.

Ли Ляньхуа не сдвинулся с места, а продолжал сидеть рядом с Гу Чжи, любуясь с ней луной, вот только больше ничего не говорил.

В конце концов Гу Чжи сдалась: ей-то, призраку, бояться нечего, а вот Ли Ляньхуа — живой человек, одетый лишь в тонкую одежду, да к тому же босиком. Если просидит на улице слишком долго, чего доброго, подхватит простуду.

Вернувшись в комнату, Ли Ляньхуа вытащил нефритовую подвеску из-за пазухи и положил её на столик неподалёку.

Правда, пока шёл к кровати, он время от времени оглядывался, и в его глазах читалось неподдельное, горькое сожаление.

От этого зрелища у Гу Чжи даже заболели глаза.

Тот, кто не знал истинного положения дел, наверняка подумал бы, что Ли Ляньхуа разлучили с возлюбленной насильно.

Спустя три дня.

Цзячжоу, Секта Линшань.

Ли Ляньхуа отправился в Секту Линшань под предлогом возврата долга.

Едва он добрался до горных ворот, как путь ему преградили слуги.

Нет-нет, потише, полегче, ой-ой-ой.

Наблюдая за тем, как человека под руки спускают по ступеням, Гу Чжи с усмешкой покачала головой.

Она ведь предупреждала, что этот трюк не сработает, но Ли Ляньхуа упорно не верил и всё равно решил попробовать.

И вот доигрался — его выставили за дверь, даже внутрь не пустили.

Выпрямившись, Ли Ляньхуа посмотрел на тех, кто только что сбросил его с крыльца, но вовсе не рассердился, а лишь тихонько проворчал:

И чего они такие грубые?

Однако стоявший на ступенях и глядевший прямо на Ли Ляньхуа мужчина с мечом не обладал столь же мягким нравом и гневно рявкнул:

А ну катись отсюда!

Ли Ляньхуа беспомощно взмахнул рукавом и произнес:

Хотя ваш глава секты уже скончался, пять лямов серебра, что он мне должен, он всё же обязан вернуть. Ты его ученик, так что закрой за него этот долг.

Катись!

Услышав вновь, как этот негодяй велел Ли Ляньхуа убираться, Гу Чжи окончательно потеряла терпение.

Она тут же выступила вперёд, указала на человека на ступенях и возмущённо выпалила:

Эй, вы только послушайте, как этот хам разговаривает! Никакого воспитания: чуть что — сразу катись. И это Секта Линшань? Переименуйте их лучше в секту подпевал и угодников!

Заметив, как Гу Чжи заступает за него, Ли Ляньхуа прикусил губу, сдерживая улыбку, а затем быстро принял прежнее выражение лица и снова попытался уговорить противника позволить ему войти.

Послушай, я же был знаком с вашим главой секты, неужели мне нельзя зайти и почтить его память в одиночку?

Не собираешься уходить? Тогда пеняй на себя!

С этими словами мужчина начал спускаться по ступеням.

Ли Ляньхуа торопливо остановил его:

Эй, не спускайся, я сам ухажу!

Сказав это, он решительно развернулся и зашагал прочь, а Гу Чжи поспешила следом.

Вот скажи мне, какой ещё предлог нельзя было придумать? Зачем обязательно было выдумывать эту историю с долгом мертвецу?

Ты бы посмотрел на богатство и роскошь Секты Линшань — с чего бы им верить в твои сказки про пять лямов серебра? Назвал бы сумму побольше, глядишь, они бы ещё и поверили.

И ещё запомни: в следующий раз с такими людьми не стоит быть столь мягкосердечным.

Эти цзянхуские вояки никогда не слушают доводов рассудка: они подчиняются только тому, у кого кулак тяжелее. Чем мягче ты с ними обходишься, тем сильнее они считают тебя слабаком, которого можно безнаказанно третировать.

Гу Чжи сегодня сама ужасно разозлилась на людей из Секты Линшань, поэтому и высказала всё, что наболело на душе, даже не заметив этого.

Лишь закончив говорить, она осознала, что ей не следовало произносить подобные слова.

Прости, сегодня я что-то слишком много говорю.

<http://bllate.org/book/20899/2112799>